

Когда Гу Ичэнь вернулся, закончив дела, Су Сичэнь уже полностью осознал, что в будущем сможет растить лишь одного ребенка, но смириться с этим так и не смог. В конце концов, он сумел принять это лишь потому, что за долгие годы под опекой семьи Су давно привык во всем потакать другим. Да и стоит ли что-то менять сейчас? Если продолжать так терзаться, сделаешь хуже только самому себе, разве не так?

Однако это навсегда останется занозой в его сердце, которую невозможно извлечь. Он никогда не забудет, что был ребенок, который мог бы расти в его объятиях, а теперь он даже не услышит, как тот называет его папочкой. Старики говорят, что ребенок — это жизнь матери. Для омеги, способного рожать, а особенно для такого, как Су Сичэнь, который так любит детей и мечтает подарить им дом, это верно вдвойне.

Когда Гу Ичэнь вернулся из поездки, уставший и запыленный, Су Сичэнь и Цинь Сяокэ как раз обедали. Увидев его, Су Сичэнь вздрогнул и медленно отложил приборы. Я наелся, пойду наверх, — произнес он тихим, едва слышным голосом.

Ты ведь почти ничего не съел! — выпалил Цинь Сяокэ и тут же пожалел об этом, заметив блеск в глазах Су Сичэня. Он плакал.

Су Сичэнь словно бежал от опасности, поспешно поднявшись наверх и не смея лишний раз взглянуть на Гу Ичэня. Тот почувствовал что-то странное, но не мог понять, что именно. На душе стало неприятно, словно он не заслуживал такого холодного приема. Но чего именно он ждал от него?

Впрочем, Гу Ичэнь не стал заикливаться на этом и спросил Цинь Сяокэ: Как ребенок?

В-все хорошо! — Цинь Сяокэ бросил на него виноватый взгляд, похожий на взгляд воришки, и поспешил уткнуться в тарелку. Заметив, что Гу Ичэнь нахмурился, он поспешно добавил: Ребенок развивается отлично, уже можно разглядеть очертания человечка. В следующий раз на УЗИ я покажу тебе твоего сына.

Ты уже знаешь, что это мальчик? — удивленно спросил Гу Ичэнь. Ему, как и Су Сичэню, было неважно, кто родится, ведь это его кровь и плоть.

Цинь Сяокэ кивнул: Думаю, да, мне показалось, что я видел кое-что характерное. — Говоря это, он вдруг вспомнил, что еще не рассказал об этом Су Сичэню. В тот день дел было невпроворот, а потом Су Сичэнь пребывал в такой меланхолии, что они с Лин Юйфэном старались лишь поднять ему настроение и совсем забыли об этом.

Хорошо, присматривай за ними, — Гу Ичэнь вспомнил, как Су Сичэнь избегал его взгляда, и внутри него поднялось раздражение. — Если что-то случится, обязательно говори мне. Ты же знаешь, что будет, если начнешь что-то скрывать!

Цинь Сяокэ испугался внезапно ставшего строгим тона и даже дышать боялся, словно Гу

Ичэнь уже обо всем догадался. Я знаю, не нужно мне напоминать. Не волнуйся, если что-то пойдет не так, я сразу сообщу! — это была ложь во спасение. Я ничего плохого не сделал, я на стороне справедливости! — утешал он себя, боясь, что в следующую секунду выдаст себя и будет молить Гу Ичэня о снисхождении.

Не дожидаясь ответа Гу Ичэня, который, казалось, хотел еще что-то добавить, Цинь Сяокэ поспешно собрал посуду и унес ее на кухню. Я тоже наелся, пойду проведу его!

Оставшись в одиночестве, Гу Ичэнь пребывал в недоумении. Что с ними сегодня такое? Почему все разбегаются, будто мыши от кота? Неужели он настолько пугающий? Гу Ичэнь хотел коснуться своего лица, но наткнулся на холодную маску.

О, он понимающе кивнул. Должно быть, эта маска слишком страшная. Завтра нужно купить другую. Какую бы выбрать? Точно, пусть будет цветная, детям должно понравиться!

Гу Ичэнь, мечтавший с помощью маски завоевать расположение единственного ребенка, который все еще находился в животе Су Сичэня, даже не подозревал, что за эти несколько дней его отсутствия произошло столько событий, о которых он и помыслить не мог.

Тем временем Цинь Сяокэ быстро поднялся вверх. Он предчувствовал, что состояние Су Сичэня оставляет желать лучшего. И точно — едва войдя в комнату, он услышал тихие всхлипы. Цинь Сяокэ подошел к нему: Су Сичэнь сидел на кровати, опустив голову так низко, что, казалось, хотел зарыться в нее лицом, а его глаза покраснели.

Что случилось? — Цинь Сяокэ ни разу не видел его слез, кроме того дня, когда приходил Лин Юйфэн, и теперь его переполняли противоречивые чувства.

Я... я просто не могу простить его, что мне делать... — прерывисто шептал Су Сичэнь, вздрагивая от рыданий.

Цинь Сяокэ не знал, что сказать. Он вздохнул и потянулся за салфетками, но Су Сичэнь вдруг бросился ему на грудь, уткнувшись лицом в его живот.

Я плохой? Но я ведь просто хочу видеть, как они растут, я ведь тоже их папа... — Су Сичэнь уже не мог сдерживать рыдания.

Нет, нет, ты не плохой, ты самый лучший! — Цинь Сяокэ не умел утешать, поэтому просто поддакивал. Он понимал, что из всех них именно Су Сичэнь пострадал больше всех.

Гу Ичэню нужно было лишь предоставить семя, при этом еще и получив удовольствие, а потом — немного денег, иногда говорить пару слов и источать феромоны, чтобы через десять месяцев забрать ребенка и заткнуть рты своим родителям. С тех пор, даже если он не захочет больше жениться или заводить детей, это не будет иметь значения, ведь он пропустил все сложности и

просто купил себе средство от одинокой старости.

Лин Юйфэн, хоть и страдал, но его боль была связана с тем, что любимый человек рождает от другого. Как только Су Сичэнь родит, он примет его, и они смогут быть вместе. А сам Цинь Сяокэ просто побудет с ним эти десять месяцев, поможет при родах, да еще и денег заработает.

Однако Су Сичэнь с самого начала был несчастен. Принудительная течка, продажа незнакомому человеку, чтобы родить ему ребенка, а после — изгнание. Для Су Сичэня остаться в доме Гу, пусть даже в качестве слуги или любовника, было бы счастьем, ведь он смог бы видеть своих малышей.

Цинь Сяокэ знал, что для Су Сичэня продажа стала тяжелым ударом. Несмотря на то, что та семья плохо с ним обращалась, Су Сичэнь был человеком глубоко привязанным к людям, и за столько лет между ними не могла не возникнуть связь. То же касалось и его: раз Су Сичэнь сейчас плачет, обнимая его, значит, он действительно доверяет ему. Лин Юйфэн говорил, что Су Сичэнь — человек сильный и не склонен показывать свои чувства при людях.

Ничего, ничего, — Цинь Сяокэ смахнул слезы с его лица, наконец придумав, как его успокоить. — Не плачь, это вредно для детей.

П-правда? — голос Су Сичэня, дрожащий от слез, звучал так нежно, что хотелось отдать ему все сокровища мира, лишь бы увидеть его улыбку.

Цинь Сяокэ решительно кивнул: Конечно! Малыши в животике чувствуют настроение папочки. Если ты грустишь, они тоже расстраиваются, понимаешь?

М-м! — Су Сичэнь послушно кивнул и принялся спешно вытирать слезы. — Тогда я не буду плакать, и малыши не будут грустить!

Видя, как его сердце полностью занято детьми и как он готов на все, лишь бы им не навредить, Цинь Сяокэ не знал, смеяться или плакать. Похоже, ему предстоит стать свидетелем того, как рождается настоящий фанат своих детей.

Пока Су Сичэнь вытирал лицо, Цинь Сяокэ долго размышлял. Он понимал, что, хотя дети временно помогли сгладить ситуацию, Су Сичэнь все равно будет переживать, и если это замалчивать, лучше не станет.

Почему ты так быстро наелся? Обычно ты готов был съесть все, что было на столе, — вытирая лицо, Су Сичэнь осознал, что натворил, и смущенно попытался сменить тему.

Но Цинь Сяокэ не собирался отступать: Сичэнь, думаю, нам стоит поговорить о «нем».

Услышав это, Су Сичэнь замер. Он открыл рот, но не произнес ни слова, словно подбирая фразы. Наконец, он выдавил: Может, не стоит... — он был настолько не уверен в себе, что не смел даже взглянуть на Цинь Сяокэ.

На самом деле он неплохой человек. Именно он оплатил мою учебу, благодаря чему я сейчас стою здесь и разговариваю с тобой. К тому же, в то время он только начинал свое дело, денег было совсем мало, но он никогда не позволял мне голодать. Хотя у него была семейная компания, которую он мог унаследовать, он хотел построить свою империю сам. Думаю, только в этом и есть хоть какое-то обаяние этого старого чурбана, — Цинь Сяокэ не упустил случая подколоть Гу Ичэня, пытаясь разрядить обстановку.

Тогда... почему ты помогаешь мне? — это был вопрос, который Су Сичэнь давно хотел задать. Он думал, что придется долго уговаривать или предлагать что-то взамен, но Цинь Сяокэ согласился так легко.

Цинь Сяокэ смущенно высунул язык: Дети выросли, мать их не удержит!

Су Сичэнь прыснул со смеху, и его лицо озарилось улыбкой. Спасибо тебе, правда, огромное спасибо! — он поднял голову и посмотрел на Цинь Сяокэ с искренней благодарностью.

Да ладно тебе, пустяки, не стоит благодарности! — Цинь Сяокэ выглядел небрежно, но на самом деле просто стеснялся — он никогда не умел принимать такие серьезные и трогательные слова.

Ночью Су Сичэнь ворочался в постели. Он не понимал, ради детей или ради себя так быстро изменил свое отношение к Гу Ичэню. Ведь только когда человек становится дорог, он начинает так сильно влиять на настроение.

На самом деле он знал ответ, просто не хотел его признавать. Разве не так? Если бы дело было только в детях, он бы согласился, когда Лин Юйфэн предложил сбежать — ведь для него это был шанс обрести настоящий дом для обоих детей.

Неужели он попал в плен к этой черно-белой маске? Су Сичэнь не хотел об этом думать, да и боялся. Он знал: можно украсть ребенка, но нельзя украсть сердце. А для гордого Су Сичэня, который привык все держать в себе, это было попросту невозможно.

Через некоторое время дверь тихо приоткрылась, и вошел Гу Ичэнь. Он не знал почему, но после этой поездки ему нестерпимо хотелось обнять Су Сичэня, хотя он и оправдывал это заботой о ребенке.

Он подошел к своему привычному месту и невольно взглянул на Су Сичэня. Тот словно снова

похудел. Что происходит? Неужели Цинь Сяокэ не заставлял его больше есть? Кто-то говорил, что омегам с недостатком веса рожать гораздо больнее. А если сын родится таким же худым? Но живот, кажется, стал больше — всего четыре с лишним месяца, а уже такой заметный?

Даже сам Гу Ичэнь не осознавал, сколько мыслей пронеслось у него в голове за эти несколько секунд. И никто не знал — даже он сам — сколько из них было о ребенке, а сколько — о Су Сичэне. Он занял свой пост и молча начал источать феромоны.

Су Сичэнь еще не спал. Сначала он подумал, что это Цинь Сяокэ, но когда до него донесся глубокий, пробирающий до костей аромат мяты, он понял — это Гу Ичэнь. Неудивительно, что с того самого дня, когда он начал страдать от токсикоза и сонливости, он каждую ночь чувствовал этот прохладный запах и спал гораздо спокойнее. А в те дни, когда Гу Ичэнь был в отъезде, он не мог уснуть и списывал все на свои мысли, а оказалось, что причина была в нем...

Так ради кого он это делает? Ради ребенка в его животе или ради него самого? Су Сичэнь горько усмехнулся: как он может делать это ради него? Он всего лишь суррогатный инструмент. Ладно, к чему эти мысли? Разве он не обещал себе быть жестче, чтобы отсечь все чувства, которых быть не должно?

Ночь была все такой же темной. Чье сердце сорвалось из света в бездну тьмы? Как сложится их история дальше...

<http://bllate.org/book/21225/2147687>